

**Теоретическая легитимация единства государства и церкви,
права и православия в юриспруденции
(Б.Н. Чичерин – П.С. Новгородцев)**

**«Theoretical legitimization of the unity of Church and state,
law and Orthodoxy in law
(Boris Chicherin – Pavel Novgorodtsev)»**

*Дидык Марина Александровна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры исторической
куль-турологии, факультета философии
и культурологии,
Южный федеральный университет*

*Didyk Marina Alexandrovna,
the candidate of philosophic sciences,
the senior lecturer of the chair
of historical cultural science
of the faculty of philosophy
and culturology,
the Southern Federal University*

Государственно-конфессиональные отношения в современной России – не менее актуальная проблематика, чем вопросы стыковки ислама, христианства и чисто светских ориентаций в современной Европе. Но есть и важное различие: в России нет той остроты в отношениях, которая разделяет две основные традиционные конфессии между собою и их обеих с практикой модернизации и модерна, секуляризации и секулярности. Стоило только православию, а конкретно Московскому патриархату после 1988-1991 гг. войти фактически в разной степени оформленные правовые отношения с обществом и государством (этот процесс затронул также ислам и другие конфессии), как факт прежней, дореволюционной проясненности и урегулированности в России государственно-конфессиональных отношений (при приоритете православия), а также их целостного концептуального осмысления в религиозно-философски-юридической форме во второй половине XIX – начале XX вв. просто стал выходить наружу как важнейшая потенция и набирающая мощное «ценообразование» (термин М.К. Петрова) реалья общественно-исторической жизни.

Далее речь пойдет о научной школе юриспруденции в Московском университете второй половины XIX – начала XX вв., базированной на идеях почвенного «русского либерализма» [1, с. 21 – 40], а мировоззренчески и научно на христианской философии права, представленной в трудах Б.Н. Чичерина и П.С. Новгородцева [2].

Для Б.Н. Чичерина религия и право, по сути, две стороны «общезития» человека, как «союза разумно-свободных существ», содержание которого обусловлено «сознанием абсолютных начал».

Именно эти две стороны, два элемента последовательно отражают специфику общего (религия) и личного (право) принципов существования человеческого общежития, где религия (без которой не существует ни одно общество) «управляется нравственным законом» и «связывает человека не только со всем человечеством, настоящим, прошедшим и будущим, но и с самим Божеством», а право (связанное с нравственностью) есть «совместное существование свободы под общим законом», «область личной воли, где господствуют личные цели», «идеальное требование во имя идеального принципа» [3, с. 141, 142].

Понимая религию как «стремление к живому общению с абсолютным», характерное для человеческого духа вообще, Б.Н. Чичерин, с одной стороны, показывает универсальную всеобщность ее смыслового ядра [4], а с другой стороны, универсальную уникальность христианской экспозиции. Христианство в отличие от всех других религиозных программ представило в истории и культуре новый образец, где основу всей религии составила «идея духовной жертвы»: «Христос принес себя в жертву за все человечество, и всякий в него верующий обязан быть готовым подражать его примеру» [3, с. 200]. Фактически у Б.Н. Чичерина тема православия поглощается темой христианства, которое мыслится как вторая историческая ступень цивилизационного развития человечества, реализованная как на Западе, так и в России в середине века (собственно в эпоху феодализма и вотчинного строя как вариантов «гражданского общества»). Новое время – это двойственный процесс политизации и либерализации общественной жизни, выхода на сцену

истории государства в его абсолютистской, затем правовой (либеральной) формах. Христианству в прежнем смысле слова места не остается: оно цивилизуется, социализируется, а с другой стороны, окончательно оказывается делом личной веры и разума. Б.Н. Чичерин твердо стоял на рационалистической позиции, считая, что «религиозное чувство, по самой своей природе, есть чувство, проникнутое разумом» [3, с. 193], тем самым не принимая роли мистического постижения истины, характерное, например, для мировоззрения В.С. Соловьева.

Русский правовед П.И. Новгородцев высоко оценивал правовые идеи «государственной школы» и вместе с тем философско-правовые идеи Вл. Соловьева, как неоцененный вклад в юридическую науку. После долгих трудов по обоснованию права [5] в нравственном контексте – он все же ответил не только Б.Н. Чичерину, но и В.С. Соловьеву в отношении именно православия [6]. Вопрос о корнях правовой системы, по П.И. Новгородцеву, имеет религиозные основания. По сути, правда, правильный выбор, свободная воля, нравственный порядок, добро, благо, любовь – все это представляет фундамент правовой системы. Подходя к вопросу с идеалистических позиций [7], П.И. Новгородцев вел линию обоснования связи права с нравственностью, как двумя главными силами «обуздывающими произвол человеческих страстей, вносящими мир и порядок во взаимные отношения людей и противопоставляющими эгоизму частных стремлений интересы общего блага и требования справедливости». Взятые вместе и подкрепляемые друг другом, эти две силы «выполняют великое призвание – поддерживать самую основу общественности, т.е. ту связь отдельных интересов и стремлений, которая сплавляет людей в одно общее целое» [8, с. 103 – 113].

Следуя органицистскому принципу мировосприятия, П.И. Новгородцев указывал на особую роль русского (православного) духа [9] в мировом правовом организме, резко отличного от западного (католицистского, протестантистского) правового самосознания. Это выводит типологию права на уровень национально-региональной географичности и религиозно-конфессиональной теологичности в контексте исторического развития.

В развитии западноевропейского правового организма легко обнаруживается историческая многоликость осмысления права (например, древнегреческое право – «философия права сократовской школы», право средневековой Европы – «учение о праве Фомы Аквината», новое время – «Дух законов» Монтеня, «Общественный договор» Руссо, «Метафизические основные начала о праве» Канта, «Философия права» Гегеля, имеют отличительные особенности), но круг идей, в сущности, остается тем же. Русская философия права, как бы возвыша-

ется над «идеей права», «идеей законности», «идеей государства», осмысленных и представленных на западноевропейской почве. Она занимает особое положение, знаменующееся «русским духом», духом православной веры, русского православного сознания, основанном на «принципе взаимной любви всех во Христе» [10]. Причем именно к любви, к ее особенному пониманию и созерцанию русским православным сознанием обращается П.С. Новгородцев, выделяя из конфессионального христианства.

Другими словами, описывая реализацию основного христианского принципа, П.С. Новгородцев характеризует специфику католического, протестантского и православного правосознания [12] и приходит к выводу, что в католицизме действует юридическое понимание христианства, в протестантизме – этическое, а в православном сознании – «религиозно-мистическое понимание христианства» [13, с. 8 – 9]. А следовательно, и католическое и протестантское христианство, как западноевропейские ветви религиозности, сугубо гуманистично и приземленно-обыденно. Такое мирское существование, по сути утратившее сакральные смыслы, лишено надежды. Бог, Божья благодать, истинная любовь, истинная Церковь – «корень всего» и «оторванные от этого корня все человеческие мысли и дела становятся бессильными и бесплодными» [13, с. 14]. Другое дело православное, «восточное, азиатское решение религиозной задачи», характеризующееся такими свойствами русского благочестия и Богопочитания, как: «созерцательность, смирение, душевная простота, радость о Господе, потребность внешнего выражения религиозного чувства, чаяние Царства Божия». Все это разрывает замкнутость привычного обыденного осознания своего существования (со всем спектром потребностного удовлетворения) и выпускает в сферу настоящей абсолютной свободы и надежды о вечной справедливости, милости и любви.

Таким образом, русская идея, русская душа в отличие от западного взгляда концентрируется не на конституции, а на религии, не на государстве, а на церкви. Другими словами, главная цель культуры определяется внутренней духовной сущностью. Отметив философско-правовые труды Б.Н. Чичерина («Философия права») и Вл. Соловьева («Оправдание добра»), в которых «выразился национальный дух русского народа», Новгородцев П. С. не остался безучастным и к идеям западников и славянофилов, но считал, что именно Ф.М. Достоевскому выпало на долю «представить русскую идею в ее подлинной сущности» [13, с. 373]. Будучи православным христианином, П.И. Новгородцев достаточно глубоко воспринимал Вл. Соловьева как философа истории и как философа права [14], но не мог согласиться с предлагаемым универсализмом,

с идеей соединения христианских церквей, теократической идеей. Так же не все идеи Б.Н. Чичерина были им приняты и одобрены, но это не повлияло на высокую оценку его значительного вклада в науку, как «живого источника мысли», как «ободряющего нравственного примера», проникнутого «глубокой верой в озаряющую силу истин».

Подводя итог, можно сказать, что возможно такое русское православное созерцание, представленное своеобразным синтезом в русской региональной философии права, открывает путь к решению проблемы цивилизационной совместимости и дополнительности в социокультурном пространстве права и православия.

Литература и комментарии

1. См.: *Ерыгин А.Н.* Традиционная и модернизирующаяся Россия в философии истории русского либерализма: (К.Д. Кавелин, С.М. Соловьёв, Б.Н. Чичерин). – Ростов-н/Д., 2004.

2. С Московским университетом они были связаны и студенческой подготовкой, и защитой диссертаций, и преподаванием (в 60-е гг. – Б.Н. Чичерин, а с 1888 по 1911 – П.С. Новгородцев).

3. *Чичерин Б.Н.* Наука и религия. – М.: «Республика», 1999.

4. На всех этапах человеческой истории и в разных культурах человек искал Бога и получал в нем удовлетворение. «Это – всемирный факт, который указывает на искони присущую человеку потребность общения с Высшим Существом» [3, 189].

5. Правовая система, и в первую очередь, идея права (причем в естественной форме) оказалась центральной и системообразующей, в общем научном замысле русского философа-правоведа. Правда, в отличие от позитивистского взгляда на сущность естественного права, понимаемого как некоторые первоначальные нормы, «закрепленные в результате общественного договора и образования государства», взгляды П.С. Новгородцева были несколько иными, направленными на осмысление права личности, в контексте ее нравственной природы.

6. Православное учение П.И. Новгородцев рассматривал не только как «учение о силе взаимной любви во Христе», но главное, как «учение о свободе во Христе». См.: Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания / Православие и культура // Сборник религиозно-философских статей. Под ред. Проф. В.В. Зеньковского. «Русская книга». Берлин. 1923. С. 14.

7. Самой эпохе позитивизма он противопоставил идеалистическую философию в лице, прежде всего, В.С. Соловьёва и Б.Н. Чичерина. См.: Новгородцев П.И. Предисловие. / Проблемы идеализма // Сборник статей. Под ред. П.И. Новгородцева. Издание Московского психологического общества. 1902.

8. *Новгородцев П.И.* Право и нравственность / П.И. Новгородцев. // Правоведение. 1995. № 6. С. 103 – 113.

9. П.И. Новгородцев пишет: «Русское православие, сколько ни носит оно национальный отпечаток, главную

силу свою полагает в своей верности Божественной своей первооснове и первоначальным апостольским и святоотеческим учениям. Оно полагает, что существо его определяется прежде всего его соответствием с его вечной и всеобщей основой и что самая ценная особенность русского религиозного сознания заключается именно в том, что ему суждено было всего чище сохранить дух Христова учения». См.: Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания / Православие и культура // Сборник религиозно-философских статей. Под ред. проф. В.В. Зеньковского. «Русская книга». Берлин. 1923. С. 8.

10. Там же. С. 9.

11. «Во всех христианских исповеданиях заповедь любви является основной и определяющей, – без этого они и не были бы христианскими. Но в то время, как в других исповеданиях, особенно в протестантском, проявляется склонность придавать этой заповеди скорее моральный характер, в православии она получает подлинный религиозно-мистический смысл». Там же. С. 10.

12. В отношении православного правосознания, интересные мысли были высказаны В.Ю. Даренским на международной научной конференции по философии права в Санкт-Петербурге (2007 г.). «П.И. Новгородцев, – пишет Даренский – как нам представляется, совершил принципиальный шаг в понимании процессов рецепции (и отторжения) западноевропейского правового сознания в странах «православной цивилизации», наиболее показательной из которых в этом отношении является Россия. Суть этого шага состоит в том, что если как славянофилы, так и их противники указывали лишь на отсутствие здесь правосознания в западноевропейском смысле слова, то П.И. Новгородцев указал также и на то, что здесь имело место правосознание принципиально иного типа». См.: Даренский В.Ю. Концепция православного правосознания П.И. Новгородцева и ее эвристическое значение // Философия права в России. Материалы международной научной конференции. СПб., 2007. С. 37.

13. *Новгородцев П.И.* Сочинения. М.: «Раритет» 1995. Перевод с нем. А.К. Судакова.

14. Интересный анализ был проделан игуменом Вениамином (Новиком) в отношении творческих идей Владимира Соловьёва, в контексте «социального измерения духовности». Игумен Вениамин (Новик) пишет: «Соловьёв выступал против псевдоаскетического отрицания необходимости юридических принципов в социуме. Соловьёв различает внутриличностную христианскую этику всепрощения, и этику христианской ответственности за других. Он серьезно задумался о том, что такое христианская духовность в социальной сфере и начал, по сути дела, в одиночку создавать то, что в западном богословии называется социальной этикой. Важно, что она у него онтологична, а не психологична». См.: Игумен Вениамин (Новик). Владимир Соловьёв: социальное измерение духовности // Вестник РСХД. № 182 (I), 2001 г.